

Сакулин Павел Никитич

**Русская литература:
социолого-синтетический
обзор литературных стилей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Никитич С.**
Русская литература: социолого-синтетический обзор литературных стилей /
Сакулин Павел Никитич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 205 с.

ISBN 978-5-519-84449-9

ISBN 978-5-519-84449-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В своей книжке «Синтетическое построение истории литературы» (М. 1925) я указывал на необходимость «выровнять наш методологический фронт», т. е. построить *всю* историю русской литературы на одних и тех же методологических принципах. Теперь я и делаю попытку в одной целостной концепции охватить русскую литературу на всем протяжении ее исторического развития.

Более всего дорожа общим процессом литературной жизни, я стремлюсь синтетически охарактеризовать литературные течения, их стили и жанры. Изучение ведется на основе историко-социологического метода, как он понимается мною в опубликованных работах по методологии ¹⁾.

Первая часть—посвящается «литературной старине», по отношению к которой всё еще господствуют разного рода пред-
рассудки. Не скрою, что своим очерком я хотел бы показать, что литературная старина есть органическая часть общего литературного процесса и является красивыми пропилеями к истории новой русской литературы.

¹⁾ а) «Социологический метод в литературоведении». Издание т—ва «Мир», 1925. б) «Синтетическое построение истории литературы», т—во «Мир», 1925. в) «Мои пояснения». «Печать и Революция», 1926, книга вторая. г) «К проблематике современного литературоведения». Ibidem, книга восьмая.

ВВЕДЕНИЕ.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ.

В предлагаемой работе я ставлю себе задачей синтетический обзор исторического развития русской литературы с древнейших времен до наших дней.

Необходимо условиться наперед, чего вправе ожидать от меня читатель.

Прежде всего—относительно объема моей задачи.

В настоящее время русский народ распадается на три больших ветви: великорусскую, украинскую (малорусскую) и белорусскую. Каждая из них отличается своими особенностями в языке. Каждая из них имеет *свою* литературу: более бедную—белоруссы, более богатую—украинцы и самую значительную—великороссы. Указанное подразделение явилось результатом довольно сложного процесса. Говоря схематически, дело представляется в таком виде.

Уже в IX веке состав живого русского языка не был однородным; в нем различают три диалектических группы: южную, восточную и северную. Различие между ними не было, однако, особенно значительным. Так как, далее, культурным центром был главным образом Киев и лишь отчасти Новгород, и так как в основе литературного языка лежал язык древне-болгарский (а не разговорный русский), то в первые века культурной истории России, в XI—XIII столетиях, наблюдается почти полное единство литературной жизни; областные черты сказывались, разумеется, и тогда, но всё же можно было говорить об общерусской литературе за этот период. До половины XII в., по крайней мере, в составе древне-русского языка нерасчлененными покоились зародыши будущих наречий—великорусского и малорусского (украинского). В XIV веке стала обозначаться та

политическая дифференциация, которая привела к образованию «Малой Руси», с одной стороны, и «Белой Руси» — с другой. Рост государственной централизации (с Москвой во главе) и своеобразные исторические судьбы юга и запада России имели своими последствиями то, что великорусская народность и ее литература приобретают доминирующее значение. Литературная жизнь на юго-западе идет своим чередом, в иной культурной обстановке (в тесном общении с Литовской Русью и Польшей). В XVI—XVII веках гордая Москва подвергается даже влиянию юго-западной Руси. К концу XVIII—началу XIX века окончательно оформляются как украинская, так и белорусская литературы. Исторические условия складываются весьма неблагоприятно для той и другой. Великороссия оказалась в роли политического и культурного гегемона. Украина, более сильная, чем Белоруссия, не переставала бороться за свое право на национальное самоопределение. Между Великороссией и Украиной постоянно происходил культурный взаимообмен, независимо от каких-либо административных воздействий. Великорусская литература, в частности, оказывала свое влияние на украинскую исключительно в силу своих внутренних достоинств. С своей стороны, Украина нередко давала Великороссии даровитых сынов, которые становились в ряды общерусских писателей (достаточно вспомнить хотя бы Гоголя). Современная революция принесла национальным меньшинствам России политическое раскрепощение и возможность автономного развития. Белоруссия и Украина спешат использовать благоприятные условия, чтобы организовать и возможно шире развернуть свою литературную жизнь. Есть все основания ожидать значительных результатов даже в недалеком будущем. Очевидно, полная синтетическая картина «русской» литературы должна слагаться из обзора всех трех литератур — великорусской, украинской и белорусской. При этом, конечно, должна быть соблюдена правильная историческая перспектива: должно быть ясно указано, когда выступает на историческую арену каждая из названных литератур, и каковы их дальнейшие взаимоотношения. Украинская литература, как и украинский язык, выделяются сравнительно поздно. Поэтому трудно согласиться с тем пониманием предмета, какой находим мы у украинских ученых. Проф. Михаил Грушевский, автор обширной «Истории украинской литературы» (вышло уже четыре тома, 1923—1925 гг., на украинском

языке), относит к *украинской* литературе все письменные памятники киевского периода (XI—XIII вв.), в том числе знаменитое «Слово о полку Игореве», и почти всю устную поэзию. Правильнее, как мы видели, говорить об общерусской литературе раннего периода, из которой развиваются основной (великорусский) ствол русской литературы и ее побочные ветви: литературы украинская и белорусская. В совокупности они составляют русскую литературу.

В своем обзоре я вынужден ограничиться основным стволом. Не только по недостатку места, но и потому, что великорусская литература, как наиболее богатая, издавна по праву пользуется честью быть представительницей всей русской литературы. В таком качестве знает ее и весь культурный мир.

Далее. Русская литература (в принятом нами условном смысле) в любой исторический момент одновременно представляет несколько слоев, лежащих друг над другом. Эти слои, получаемые при вертикальном разрезе всего массива русской литературы, совпадают с сословно-классовым членением страны, но не всецело. Известный класс, представляя по социально-экономическим признакам единое целое, фактически может являть картину расслоения, которое особенно сказывается в культурной и литературной жизни данного класса. Поэтому литературные пласты, о существовании которых я говорю, соответствуют скорее ступеням культурного развития. В древнем периоде можно наблюдать одновременно, по крайней мере, два литературных слоя: верхний, более культурный (по преимуществу письменность, но также, например, дружинный эпос), и низший, менее культурный (по преимуществу устное творчество). Разумеется, относительная высота культуры определяется здесь лишь условно. По отношению к новому периоду речь может идти, по крайней мере, о трех пластах: верхнем, наиболее культурном; среднем, малокультурном («мещанском»), и низшем, «народном». В пределах каждого слоя можно наблюдать свои подразделения. Между отдельными слоями происходит постоянное взаимодействие. Общая картина литературной жизни может приобрести научную полноту лишь тогда, когда мы синтетически изучим это многоярусное построение литературы. К сожалению, литература малокультурных слоев почти не подвергалась систематическому обследованию. Больше всего знаем мы литературу верхнего слоя и так называемую устную поэзию «народа». Следовательно, пока мы не сумели бы

равномерно заполнить материалом все ярусы. В предлагаемом очерке я также буду иметь в виду главным образом литературу верхнего слоя, где мы видим наиболее совершенные образцы художественного творчества. Устная поэзия в древнем периоде должна, конечно, занять свое органическое место, но мне хотелось бы и в дальнейшем, хотя бы в кратких чертах, напоминать, что в каждую эпоху существовала устная поэзия, и что разные социальные и культурные слои имели свою литературу, художественно и социологически ценную.

Позволительно остановиться еще на одном пункте, который также касается объема моей задачи. По моему убеждению, предметом истории литературы служит тот комплекс явлений, который можно обозначить термином «литературная жизнь». В состав этого понятия, разумеется, прежде всего входят литературные произведения, литературные направления и сами художники слова. Но вокруг произведений и писателей образуется особая атмосфера, особая жизнь: рядом с писателем стоят читатели, критики и теоретики. Их общим сотворчеством и создается литературная жизнь как единый процесс, достойный стать предметом синтетического изучения. В данном очерке, однако, я принужден большей частью ограничиваться лишь основными ингредиентами литературной жизни, т. е. только самой художественной литературой.

Наконец, еще одно существенное замечание. Считаю вполне законным и чрезвычайно плодотворным сближение истории литературы с историей искусства. Идея о «wechselseitige Erhellung der Künste», которую с такой убедительностью и с таким успехом пропагандирует проф. Оскар Вальцель, в России пользуется признанием уже с давних пор, со времен знаменитого русского ученого Ф. И. Буслаева. Конечно, речь идет не о том, чтобы в историю литературы включать целую историю искусства, а о том, чтобы взять из истории искусства то, что поможет более отчетливому и более углубленному пониманию собственно литературных явлений. Всего нужнее в этом случае общие черты художественных стилей, проявляющиеся одновременно в литературе и в других видах искусства (в живописи, скульптуре, музыке), а затем—факты взаимодействия литературы и искусства. В этом отношении сделано у нас еще чрезвычайно мало. Я предполагаю ограничиваться лишь самыми общими указаниями на связь литературы с искусством.

В отведенных себе границах я и имею в виду набросать сжатую картину истории поэтического творчества в России. Именно поэтического, так как непосредственным предметом нашего изучения должны быть художественные произведения, а не вообще произведения слова. Последняя оговорка необходима потому, что русские историки литературы не всегда делают в этом отношении строгое разграничение, а для древнего периода чаще всего прямо требуют изучения памятников, явно не принадлежащих к области художественной литературы, но имеющих известное культурное значение, каковы, например, «Стоглав», «Домострой». Впрочем, и западноевропейские историки литературы иногда склонны включать в свои обзоры сочинения по истории, по философии и даже естествознанию, если они представляют интерес по своему языку. Мне кажется безусловно необходимым давать только историю поэтического *творчества*, а не вообще историю художественного *слова*: отправляться надо от поэтики, а не от ретирики. Никакого исключения даже для древнего периода сделано не будет. В своем очерке я стремлюсь к тому, чтобы, сосредоточивши свое внимание на больших литературных стилях, на главных линиях движения, дать синтетическую картину истории поэтического *творчества* в цельной концепции.

Каждое течение должно быть охарактеризовано со стороны своих формальных признаков и со стороны поэтического содержания (поэтического мировоззрения). Всё построение будет дано на историко-социологической основе. Само собою разумеется, мною не будут забыты чисто литературные факторы исторического развития. Однако и такой, например, фактор, как литературное влияние, будет истолкован мною социологически. Русская литература, как и всякая другая, в конце концов, составляет часть мировой литературы (Weltliteratur). В этом аспекте должны трактоваться ее исторические явления. Но растет русская литература органически из *своих* основ и развивается в *своих* социальных и литературных условиях. Поэтому, как бы ни было сильно иноземное влияние, оно своеобразно перерабатывается в русской обстановке: европейский классицизм становится *русским* классицизмом, европейский романтизм — *русским* романтизмом и т. д. вплоть до *русского* футуризма. Я уже не говорю о том, что в известных своих проявлениях русская литература сама была фактором, влиявшим

на литературную жизнь других стран. Международные связи русской литературы всегда были довольно значительны.

Синтетически охватывая *диалектику русской литературы* в ее причинной зависимости от культурных стилей исторических эпох, я представляю себе общую картину в таком виде.

В каждую эпоху, начиная с первых веков нашей истории, население распадается на классы с их неизбежной дифференциацией. Каждый класс живет своей культурной жизнью. Класс-гегемон выражает высшую для данной эпохи степень культуры. Между классами существует не только борьба, но и постоянное взаимодействие, и жизнь, в конце концов, отливается в единый культурный процесс. В результате каждая эпоха народной жизни имеет свой стиль культуры, свое культурное лицо. Художественная литература творчески отражает как культурную жизнь отдельных классов, так и культурный стиль эпохи в целом. Наиболее полное и адекватное отражение культурного стиля всей эпохи возможно в синтетическом творчестве великих писателей.

Обращаясь от этих теоретических предпосылок к конкретному содержанию истории русской культуры и русской литературы, я различаю три больших культурных эпохи и соответствующее им членение истории литературы.

Историческое развитие России до половины XVII в. я принимаю за одну культурную эпоху, которая складывалась под знаком византийской культуры. Классом-гегемоном был высший образованный класс (князья, бояре, высшее духовенство). Высшая идеология—религия. Диалектическая схема эпохи дает своего рода триаду: языческая культура Руси (до принятия христианства)—тезис, христианско-византийская культура—антитезис, старо-русская культура—синтез. Москва XVI века—представительница старорусской культуры в период ее устойчивого равновесия и цветения. Но уже в XVI в. показались первые симптомы нового культурного брожения, что дает нам право с половины XVII в. начинать новую культурную эпоху. Художественная литература нашего средневековья выразила культурное содержание эпохи и ее культурный стиль в тех явлениях, которые я объединил термином «литературная старина». Динамика эпохи отпечатлелась в литературе с достаточной полнотой и яркостью, но момент синтеза не нашел себе адекватного воплощения в художественном творчестве эпохи. Литература

и технически еще не созрела для этого. Кодификационных попыток было несколько (четы-минеи митр. Макария, Домострой и т. п.), но не было писателя-художника, который в своем творчестве синтетически показал бы нам культурный стиль эпохи (как для европейского средневековья сделал это Данте).

Вторая культурная эпоха складывается под знаком европеизма. Класс-гегемон—дворянство. Схема культурной диалектики: старорусская культура—тезис, европеизм—антитезис, дворянская культура—синтез. Высшая идеология—философия. К сороковым годам XIX в. процесс окончательно оформился, и дворянский класс с гордостью мог указывать на *свою* культуру, которая уже имела все признаки определенности и устойчивости. В интересах внешней отчетливости изложения, развитие художественной литературы в эту эпоху я делю на два периода (как можно было бы разделить на два периода и историю «литературной старины»): с половины XVII в. до шестидесятых годов XVIII ст. и со второй половины XVIII ст. до сороковых годов XIX в. На этот раз русская литература была счастлива: Пушкин в своем гениальном творчестве синтетически объединил культурные элементы тезиса и антитезиса эпохи. В этом его историческое величие.

Третью эпоху можно озаглавить «на грани двух культур». Она еще не изжита нами, хотя и тянется с сороковых годов XIX в. Ее внутренний смысл заключается в создании новой, демократической культуры. Исторический процесс этой эпохи непосредственно соприкасается с ходом современной жизни, и мы еще не встали на такую, далекую и высокую, точку зрения, с которой он рисовался бы нам во всей своей законченности. Поэтому я различаю пока два культурных и литературных периода. Первый—от сороковых годов XIX в. до девяностых годов того же столетия. Его-то ближайшим образом и можно обозначить словами «на грани двух культур». Класс-гегемон в культурной области (не в политической еще)—мелкобуржуазная демократия, опирающаяся на крестьянство. Схема диалектики может быть выражена так: дворянская культура (уже осложненная элементами буржуазно-капиталистической культуры)—тезис, крестьянская культура (как она мыслилась идеологами народничества)—антитезис, синтез теоретически намечался в виде демократической культуры, но реально синтетической культуры демократического типа еще нет. Высшая идеология—

социализм. В художественной литературе межевыми столбами периода стоят: в его начале — Лермонтов и Гоголь, а в конце — Достоевский и Л. Толстой. Это — третий период в истории новой русской литературы. Четвертый период (второй в данной культурной эпохе) начинается с девяностых годов XIX в. и продолжается в наши дни. Он идет под знаком социализма. Класс-гегемон — пролетариат. Диалектическая схема: буржуазная культура — тезис, пролетарская культура (как она мыслится идеологами) — антитезис, социалистическая культура — синтез. Высшая идеология — социология (марксизм). Художественная литература развивается от символизма чрез революционно-пролетарское творчество к некоему синтезу. Еще нет великого художника (да пока и не может быть), который явил бы в своем творчестве синтез всей культурной эпохи (как Пушкин в свое время).

Таким представляется мне исторический ритм культурных эпох и литературных периодов. Таков тот социолого-синтетический аспект, в котором я делаю исторический обзор наших литературных стилей.

ПЕРВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭПОХА

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТАРИНА